

УДК 78.071.7:929(470)

ББК 85.313(2)6-8

С32

Все права защищены.

*Любое использование материалов данной книги, полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается*

В издании использованы фотографии из архива библиотеки Конгресса США
(The Library of Congress)

Фотография на обложке — *Сергей Рахманинов. 1920 год.*

Фотограф Герман Мишкин (Herman Mishkin)

Авторы воспоминаний о Сергее Рахманинове:

*Анна Трубникова, Матвей Пресман, Михаил Букиник, Александр Гедике,
Александр Гольденвейзер, Людмила Ростовцова, Елена Жуковская,
Зоя Прибыткова, Альфред и Екатерина Сваны и Софья Сатина*

Художественное оформление — *Григорий Калугин*

С32 Сергей Рахманинов. Воспоминания современников. Всю музыку он слышал насквозь... — Москва: Издательство АСТ: ОГИЗ, 2024. — 384 [16] с. — (*Большое искусство. Персоны и биографии*).

ISBN 978-5-17-154545-1

Книга представляет собой сборник свидетельств родных и друзей, коллег и поклонников музыки Рахманинова на разных этапах жизни композитора. В ней есть и воспоминания самых близких к Сергею Васильевичу и его семье людей, и мемуары современников, дающие представление об эпохе и времени, в которое жил и творил композитор.

Задумывая этот проект, мы видели его второй частью «диалогии», в которую вошли бы книга Оскара фон Риземана «Сергей Рахманинов. Воспоминания» и сборник мемуаров многих героев этих воспоминаний. Мы собрали эти воспоминания вместе в последовательности, близкой к хронологической, оставив за рамками нашей книги исследовательские и музыкально-аналитические статьи и сохранив беллетристическую, новеллистическую интонацию, как и в книге Риземана, настолько проникшего жизнью и судьбой Сергея Рахманинова, что при чтении порой исчезает граница между речью композитора и автора.

УДК 78.071.7:929(470)

ББК 85.313(2)6-8

Содержание

Предисловие	6
Уже в раннем возрасте стала проявляться склонность Сережи к музыке	
<i>А.А. Трубникова. Сергей Рахманинов</i>	9
Мальчик способный, хотя и большой шалун	
<i>М.Л. Пресман. Уголок музыкальной Москвы восьмидесятых годов</i>	37
Он умел волновать печалью	
<i>М.Е. Букиник</i>	68
Всю музыку он слышал насквозь	
<i>А.Ф. Гедике. Памятные встречи</i>	83
Рахманинов играл на фортепиано с изумительным совершенством	
<i>А.Б. Гольденвейзер. Из личных воспоминаний о С.В. Рахманинове</i>	98
Не будь я музыкантом, вы бы на меня и внимания не обратили	
<i>Л.Д. Ростовцова. Воспоминания о С.В. Рахманинове</i>	121
По-настоящему его знали только очень близкие люди	
<i>Е.Ю. Жуковская. Воспоминания о моем учителе и друге С.В. Рахманинове</i>	141
В музыке, в игре он раскрывал людям прекрасную правду о самом себе	
<i>З.А. Прибыткова. С.В. Рахманинов в Петербурге-Петрограде</i> ..	227
Какая же жизнь для меня без музыки!	
<i>А.Дж. и Е. Сваны. Воспоминания о С.В. Рахманинове</i>	263
Чтобы понять Рахманинова-человека, надо слушать, не мудрствуя, его музыку	
<i>С.А. Сатина. Записка о С.В. Рахманинове</i>	292

Сочинять музыку для меня такая же насущная потребность, как дышать или есть: это одна из необходимых функций жизни.

Постоянное желание писать музыку — это существующая внутри меня жажда выразить свои чувства при помощи звуков, подобно тому как я говорю, чтобы высказать свои мысли.

С.В. Рахманинов

Предисловие

Юбилей — хороший повод вспомнить личность или событие, но для оставивших свой след в истории — особенно. Юбилей Сергея Васильевича Рахманинова — именно такой случай, хотя интерес к жизни и творчеству композитора не ослабевает вот уже почти сто лет. Много написано и издано книг, опубликовано статей, раскрыто архивов, немало создано и развеяно мифов, но популярность его музыки, значение его композиторских идей и высокие критерии творческих взглядов остаются для отечественной культуры величиной постоянной.

Книга представляет собой сборник свидетельств родных и друзей, коллег и поклонников музыки Рахманинова на разных этапах жизни композитора. В ней есть и воспоминания самых близких к Сергею Васильевичу и его семье людей, и мемуары современников, дающие представление об эпохе и времени, в которое жил и творил композитор. Все тексты, отобранные в этот сборник, в целом близки друг к другу по интонации — без высокопарного слога, но и без фамильярности: даже в воспоминаниях сестер и племянниц семейное «Сережа» звучит с почтительностью и уважением — настолько высок был авторитет Рахманинова и глубоко искренним признание окружающими его таланта и духовного превосходства еще с юных лет.

В этих мемуарах Рахманинов показан как сын и отец семейства, ученик и педагог, пианист и дирижер, и прежде всего как композитор. У него всегда было весьма требовательное отношение к своему божественному дару, которым он иногда вынужден был пренебрегать из-за

тяжелого финансового положения. Все авторы мемуаров сходятся в одном: осознавая свою гениальность, Рахманинов был предельно самокритичным, был человеком, стремящимся к совершенству своих творений. Может быть, ему при жизни не хватало всей славы (особенно на Родине), но она никогда не застилала Рахманинову глаза.

Талантливый во многом, Рахманинов умел поддержать и всегда стремился это делать по отношению к молодым коллегам: в книге есть мемуары, дающие представление о Рахманинове-учителе — не менторе, а наставнике, вдохновляющим своим образом жизни. Сергей Васильевич всего добивался своим трудом, неустанным трудом самосовершенствования. О его усидчивости ходили легенды, его фраза об искусстве игры на музыкальном инструменте — «Технику надо создавать, как строят дом. Мускулы приобретают силу и ловкость в течение ряда лет упорного ежедневного труда...», обращенная к молодым музыкантам, была и для него правилом, которому он неукоснительно следовал в течение всей жизни.

Конечно, в книге «звучит» и голос самого Рахманинова — в записях домашних разговоров, цитатах из писем, рассказывающих не только об интеллектуальных потребностях композитора, но и представляющих его как реального человека — не образ, а живого, чувствующего человека, пребывающего не только в творческих мирах, но и понимающего и принимающего простые радости, заботящегося о семье и хлебе насущном. В письмах, как и во всех воспоминаниях в целом, Рахманинов очень конкретен в восприятии действительности, не ищет виноватых и не витает в эмпиреях. Качество, которое делало его очень надежным для близких ему людей...

Возможно, тем, кто давно интересуется творчеством Сергея Васильевича Рахманинова, опубликованные в книге тексты покажутся знакомыми. Так и есть, они уже неоднократно и в разных изданиях цитировались. Но в этом формате и в таком составе собраны впервые. Задумывая это проект, мы видели его второй частью «диалогии», в которую вошли бы книга Оскара фон Риземана «Сергей Рахманинов. Воспоминания» и сборник мемуаров многих из героев этих воспоминаний. Мы собрали их вместе в последовательности, близкой к хронологической, оставив за рамками нашей книги исследовательские и музыкально-аналитические статьи и сохранив беллетристическую, новеллистическую интонацию, как и в книге Риземана, настолько вжившегося в жизнь и судьбу Рахманинова, что при чтении порой исчезает граница между речью композитора и автора. Но этим книга Риземана и хоро-

ша — она словно автопортрет великого художника, исполненный рукою талантливого и преданного коллеги-копииста. В нашем проекте Рахманинов предстает самым собою через призму лучших на сегодня мемуаров о композиторе. Мемуаров, которым присуща, по выражению известного музыковеда Заруи Апетян, «свободная, живая манера высказывания, особая эмоциональная теплота и искренность тона повествования, которые делают их привлекательным источником познания жизни и творчества великого русского композитора».

Сергей Васильевич Рахманинов прожил жизнь, наполненную испытаниями, на которые не всегда хватало здоровья, непросто дался ему и вынужденный отъезд из любимой России. Концертируя в разных странах Европы и в США, он подолгу оставался лишь там, где встречал пейзажи, чем-то неуловимо напоминавшие ему родные места. Он был по рождению и духу русским человеком. «Музыка композитора должна выражать дух страны, в которой он родился, его любовь, его веру и мысли, возникшие под впечатлением книг, картин, которые он любит. Она должна стать обобщением всего жизненного опыта композитора, — говорил Рахманинов в одном из своих интервью за рубежом. — Я — русский композитор, и моя родина наложила отпечаток на мой характер и мои взгляды. Моя музыка — это плод моего характера, и потому это русская музыка». Стоит ли этому возражать?

От редактора-составителя

Уже в раннем возрасте стала проявляться склонность Сережи к музыке

А.А. ТРУБНИКОВА¹

СЕРГЕЙ РАХМАНИНОВ

В детстве Сереже Рахманинову пришлось пережить много тяжелого. Только до семи-восьми лет жил он нормально в семье, но и об этом времени самыми теплыми воспоминаниями были воспоминания о бабушке Бутаковой². Бабушка очень любила внука Сережу. Он отвечал ей нежной привязанностью и любовь к ней сохранил навсегда.

Часто бабушка возила внука в монастырь, где был хороший хор. Прекрасное пение помогало маленькому Сереже выстаивать монастырские службы, а потом мягкие теплые просвиры³ смягчали усталость. Кроме того, слушать колокольный звон доставляло ему большое удовольствие. Впоследствии, будучи взрослым, он ходил слушать звон в Сретенском монастыре в Москве, где звонарь был настоящим мастером своего дела. Этот звон и услышала я в «Светлом празднике» из Фантазии («Картины») для двух фортепиано Рахманинова.

¹ Анна Андреевна Трубникова (1885–1955). Двоюродная сестра С.В. Рахманинова.

² Софья Александровна Бутакова (1823–1904). Бабушка С.В. Рахманинова по материнской линии, была замужем за ректором и профессором истории Аракчеевского кадетского корпуса в Новгороде генералом П.И. Бутаковым (дедушка С.В. Рахманинова).

³ Просвира (современное — просфора) — церковный хлеб округлой формы, используемый при богослужении.

Уже в раннем возрасте стала проявляться склонность Сережи к музыке, и мать его, Любовь Петровна, начала заниматься с ним.

Однажды, когда Сережа был еще маленьким мальчиком, приехал в Онег его дед — Аркадий Александрович Рахманинов¹. Он сел с внуком играть в четыре руки сонату Бетховена. Играли они с увлечением; когда кончили сонату, дед с радостью и гордостью повернулся к внуку. В это время открылась дверь и вошла бывшая кормилица Сережи, местная крестьянка. Она пришла просить воз соломы на починку крыши своей избы.

— Ты заслужила много больше за то, что выкормила мне такого внука, — сказал дед женщине, так и не понявшей, почему заслужила она так много, если ее «выкормыш» ловко играет на фортепианах...

Несмотря на то что рассказ об Аркадии Александровиче несколько уведет от воспоминаний о Сереже, я все же не могу удержаться от этого соблазна.

Аркадий Александрович был учеником Дж. Фильда². Именно в области музыки, самого дорогого, чему он отдавал все свои силы, судьба его не баловала. Жил он в далекой деревне, лишенный возможности общаться с музыкантами. А между тем он был прекрасным пианистом и композитором.

Его жизнь протекала в Знаменском Тамбовской губернии Козловского уезда. Старый типично помещичий дом стоял на высоком берегу Матыры (приток Воронежа). Широкие белого камня ступени спускались с террасы к горе, дальше, под гору, дорожка, на половине горы площадка с беседкой и дальше до самой воды — акации, сирень. А у берега ракиты опустили свои ветви, наклонились и глядятся в воду, покрытую у берега неньюфарами (лилиями). На противоположном берегу лес с «темным озером», а дальше простор черноземных равнин, ширь да гладь! От террасы вьется дорожка-аллея сирени, заросшая так, что идешь, бывало, как в коридоре, и ни сбоку, ни сверху ни одного просвета. Постепенно понижаясь, аллея доводила до купальни. Как любила я бежать этой дорожкой. Бежишь, бежишь, и чем дальше, тем скорее, под конец подпрыгиваешь, и дух захватывает! Только мелкие камешки разлетаются по сторонам. Вот дорожка кончилась, и открылась красавица Матыра. Взбежишь на мостки купальни, хочется обойти ее кругом, да нельзя: слева доски сгнили, упадешь. И это интересно, опасно — все

¹ Аркадий Александрович Рахманинов (1808–1880) — дед С.В. Рахманинова по отцовской линии. Крестник императора Александра I. Музыкант, композитор.

² Джон Фильд (1782–1837). Ирландский композитор. Большую часть жизни провел в России.

кажется таким значительным. Пока дойдут старшие, а ты уже сидишь на ступеньках у самой воды и как зачарованная смотришь на силявок¹, мелькающих в воде стайками, на водяных паучков. А если проплывает уж, так это такое событие, о котором надо рассказать всем: и маме, и Оле, и няне, и Марфе, и каждому, кого удастся поймать в слушатели. Смотришь и плетешь фантастические истории и про ужа, и про силявок, которых через несколько минут будешь ловить с Олей платком!

Чудные часы невозвратимого далекого детства. Спасибо вам, что вы были у меня, что дали мне тогда столько радостей, а теперь полугрустные, полувеселые воспоминания.

Обычно днем жизнь семьи сосредоточивалась с той стороны дома, где была громадная клумба роз, окруженная пионами. С этой стороны подъезжали экипажи. Кучера с шиком подкатывали к подъезду, осаживали взмысленных коней как раз там, где нужно, и уже с пустыми экипажами, объехав кругом медленно, проезжали по ту сторону клумбы к конюшне. И даже то, что на некоторое время лошади скрывались за правой куртиной, а потом вдруг «выныривали» посреди клумбы, и это было интересно, чудилось что-то таинственное.

Дедушка в молодости был военным, как и отец его, Александр Герасимович. Женившись на Варваре Васильевне Павловой², дед мой поселился с ней в своем родовом имении Знаменском. Дружной многочисленной семьей жили Рахманиновы в милом Знаменском. Дед и бабушка были очень дружны и горячо любили друг друга. Сохранились слова деда, сказанные им перед смертью бабушки, что он всегда любил ее и за всю жизнь ни разу не изменил ей. Сохранилось и еще воспоминание об одной трогательной сцене этих поистине Филемона и Бавкиды³. Однажды, дело было вечером, как-то они повздорили, и дед отказался от ужина, ушел в зал, сел под окном в темноте, огорченный происшедшим. Видя, что дедушка не сдается, бабушка взяла тарелку с его любимым кушаньем и пошла к нему. Там, после недолгого объяснения, произошло примирение, и бабушка стала кормить дедушку с вилки, как маленького, а он, смягчившись (он был горяч, но, как все добряки, отходчив), подчинил-

¹ Силявка (другое название — уклейка) — рыба из семейства карповых.

² Варвара Васильевна Павлова (1812–1896). Пианистка, была замужем за А.А. Рахманиновым (бабушка С.В. Рахманинова по отцовской линии), происходила из рода Строгановых.

³ Филемон и Бавкида. Герои античного мифа, бедные старики, приютившие, по преданию, бога Зевса и его жену Геру во время их путешествия под видом обычных людей. За свою отзывчивость и доброту были одарены благами, а их дом превратился в храм, в котором они и служили жрецом и жрицей до конца своих дней.

ся; и они мирно сидели. Вдруг что-то показалось за окном. Вглядевшись в темноту, они увидели, что на них смотрит несколько любопытных глаз, прильнувших к окну. Оказалось, что Данзас (кажется, губернатор)¹ объезжал губернию и, зная Рахманиновых как приятных и славившихся хлебосольством людей, решил заехать к ним со всей свитой на ночевку. Не дозвонившись, они пошли вокруг дома, ища, где есть свет, и натолкнулись на такую трогательную сцену.

До последних дней своих дедушка не бросал музыки и ежедневно с утра садился за рояль. Как я уже говорила, он был и композитором. Им было написано много романсов, хоров и пр., но мало что сохранилось². Его ноты находились в Знаменском, и после 1918 года все было уничтожено. Я очень счастлива, что у нас сохранились две шуточные его вещи, написанные им к елке 1869 года и посвященные его дочерям Ваве и Мане. Дедушка, насколько было возможно, поддерживал связь с музыкальным миром, хотя по большей части она ограничивалась письмами. Утешением ему были приезды артистов в Тамбов; тогда его зачастую привлекали к участию в их концертах.

Дедушка сам давал уроки музыки своим детям, и все они унаследовали любовь к музыке. Сын Василий, отец Сергея Рахманинова, был особенно музыкален, при блестящей технике он имел прекрасное туше. Условия тогдашней жизни и ему помешали стать профессиональным музыкантом, да и характер его не годился для усидчивой, кропотливой работы. В молодости он вступил в Гродненский гусарский полк и много времени и сил тратил на развлечения. Добрый, веселый, бесшабашный, он проявлял чрезвычайную нежность к детям и требовательность к нравственности других. А оригинал он был большой. Несмотря на свою любовь к веселью, ни за что не допускал гостей долго засиживаться, и все знали его привычку, что, как только наступал назначенный им час, он отправлялся по комнатам от самой дальней и гасил по очереди в каждой из них лампы. Гости постепенно сбивались в последней комна-

¹ Карл Карлович Данзас (1806–1885). С середины 1850-х годов — Тамбовский гражданский губернатор, брат Константина Карловича Данзаса (1801–1870), лицейского товарища А.С. Пушкина, секунданта на его дуэли с Дантесом.

² Среди сохранившихся сочинений А.А. Рахманинова можно выделить следующие: романсы — «Вечерний звон» (на слова И.И. Козлова), «Глаза» (на слова А.В. Кольцова), «Темнорусая головка» (на слова N.N.), «Проторила я дорожку» (на слова Т.Г. Шевченко), «Сон» (на слова Г. Гейне в переводе А.Н. Плещеева), «Таракан» (на слова И.П. Мятлева) и «Соня» (на слова Н.М. Соковнина); дуэты — «Где ты, звездочка» (на слова Н.П. Грекова) и «Когда б он знал, как дорого мне стоит» (на слова Е.П. Растопчиной); для фортепиано в четыре руки — «Прощальный галоп 1869-му году».

те, и, когда он появлялся уже в ней, все со смехом бросались в переднюю скорей одеваться, так как запоздавшему пришлось бы одеваться в темноте. В Семеново, где он жил, ездили к нему в гости его сестры Варвара Аркадьевна и Мария Аркадьевна. Развлекая их, он старательно и строго следил, чтобы кто-нибудь из товарищей гусаров не позволил себе какой вольности по их адресу. На это дядя был чрезвычайно строг! Познакомившись с семьей Бутаковых, он женился на дочери генерала Бутакова — Любви Петровне¹. Но брак не был счастливым. Любовь Петровна не принадлежала к тем женщинам, которые могли удержать такого легкомысленного человека, как Василий Аркадьевич, и они, имея шесть человек детей, разошлись. Любовь Петровну я знала только понаслышке.

Дядю Васю помню в Знаменском. Занимал он кабинет покойного дедушки. Туда любили забираться моя сестра Оля и Лидуша, дочь Александра Аркадьевича, жившего тогда у себя в Садовой, за три версты от Знаменского. У дяди Васи было много фантазий. Так, например, он обедал отдельно у себя наверху. Оля, обладавшая огромным аппетитом, ежедневно обедала с ним. Он очень ее любил и называл Олушка. Часами сидели они вдвоем наверху и вели бесконечные беседы, а пообедав с ним, Олушка появлялась внизу и снова с аппетитом обедала уже со всеми, у бабушки.

Когда Сергею было лет семь-восемь, родители его разошлись. Разлад в семье в пору раннего детства Сережи наложил на него тяжелую печать, от которой он никогда не мог избавиться. Как мучительно должен был переживать распад семьи такой впечатлительный мальчик, каким был Сережа.

В 1882 году Василий Аркадьевич переехал в Петербург, и Сережа некоторое время жил в семье моих родителей Андрея Ивановича и Марии Аркадьевны Трубниковых.

Сережу определили в Петербургскую консерваторию к профессору Демянскому. Но резвый мальчик, привыкший к жизни в деревне, в семье, с отцом, матерью и горячо его любившей и баловавшей бабушкой, очутившись в Петербурге, в новой, чуждой и непривычной ему обстановке, среди незнакомых соучеников, повел себя далеко не безукоризненно. Дядя и тетка Трубниковы, люди очень добрые, не смогли быть достаточно строгими и требовательными. Отсюда, вероятно, и явилось его своевольничанье, озорство и небрежное отношение к ученью в первый год жизни в Петербурге.

¹ *Любовь Петровна Рахманинова*, урожденная Бутакова (1853–1959). Мать С.В. Рахманинова, пианистка, училась у А.Г. Рубинштейна.

Учением Сережа не увлекался и предпочитал кататься на коньках, убегая на каток. А когда по воскресеньям родители уходили и дети оставались под присмотром старой няни Теофилы, начиналось безудержное веселье: беготня, крики, прыганье с «высоты», качанье младших на одеялах и главное — катанье «с гор». Для этого Сережа с братом Володей подставляли доски на высокий шкаф и оттуда съезжали на «большой скорости». Сестру мою, четырехлетнюю девочку, втаскивали наверх и сталкивали по доске вниз в чистосердечной уверенности, что доставляют ей большое удовольствие. Няня Теофила только всплескивала руками и беспомощно кричала: «Мучители, они сломают ей шею!» К счастью, в 1885 году Сережу перевели в Московскую консерваторию, и Н.С. Зверев взял его к себе на полный пансион. Прекрасный человек и педагог, Николай Сергеевич был и великолепным воспитателем и из ленивого и шаловливого Сергея вырастил трудоспособного, дисциплинированного, честного человека.

Когда Сережа, поссорившись со Зверевым, пришел к мысли уйти от него, на семейном совете было решено, что жить Сережа будет у Сатиных¹.

Сережа сразу вошел в семью Сатиных полноправным членом. Двоюродные братья Саша и Володя и сестры Наташа и Соня искренне любили Сережу и подружились с ним. Молодежь Сатиных, особенно Саша и Соня, очень много читали и приохотили к чтению и Сережу. Они собирали себе библиотеку, а также организовали библиотеку в деревне Ивановке² и постоянно пополняли ее, в чем горячее участие принимал и Сережа.

Он всегда очень много занимался, и времени для чтения у него оставалось мало. Поэтому Соня и Саша, следившие за всеми новинками литературы, указывали Сереже, что следует прочесть, а он в свою очередь знакомил их с музыкальной литературой.

Когда к окончанию консерватории Сережа написал оперу «Алеко», помню, как все волновались и радовались. В Большом театре на исполнении оперы «Алеко» присутствовала бабушка Сергея — Варвара Васильевна Рахманинова. Она гордилась своим внуком и очень

¹ Сатины — родственники Рахманинова по отцу. Тетя композитора Варвара Аркадьевна (урожденная Рахманинова) была младшей сестрой В.А. Рахманинова, отца С.В. Рахманинова. Ей принадлежало имение Ивановка в Тамбовской губернии, в котором любил бывать С.В. Рахманинов. «Жить будет у Сатиных» — речь идет о квартире Сатиных в Левшинском переулке на Пречистенке в Москве.

² Деревня Ивановка располагалась недалеко от имения Сатиных — Ивановка.

печалилась, что дедушка Аркадий Александрович не дожил до этой минуты. В ложу приходили поздравлять бабушку, а она благодарила, улыбаясь, и вместе с тем вытирала слезы, бежавшие из ее добрых больших карих глаз.

С юных лет Сергей был внимателен и заботлив по отношению к окружающим и всегда охотно помогал, чем мог. Так, моя сестра Ольга была очень музыкальна, и еще маленькой девочкой она проявляла эти способности, а в двенадцать-тринадцать лет не только играла и пела, но и сочиняла. Сережа, сам еще почти мальчик, советовал маме отправить Ольгу в консерваторию и повел ее к В.И. Сафонову¹. Прослушав ее игру на фортепиано и ее сочинения, Василий Ильич обещал непременно принять Ольгу в консерваторию. Но, к сожалению, она заболела малярией, от которой избавилась лишь к восемнадцати годам, и так была изнурена болезнью, что о серьезных занятиях доктор запретил и думать.

Только вполне оправившись, Оля вместе с Сережей поехала к М.Н. Климентовой-Муромцевой² и была принята ею очень охотно. Голос у Оли был исключительно красивый, пела она очень музыкально, и Сережа охотно ей аккомпанировал, давая советы, как лучше исполнять то или другое произведение.

— В семье любили не только серьезную музыку, любили и цыганские песни, и часто пели их то соло, то хором. Однажды Сережа предложил Оле спеть «Очи черные». Трудно и представить, что он сделал из этого романса. Это было нечто исключительно красивое.

Ясно вижу я Сережу сидящим, слегка сгорбившись, у рояля, голова повернута влево, приподнята. Он смотрит на стоящую рядом сестру Олю. Вся партия рояля на басах, гармония необычайно богатая, звучание какое-то бархатное и напоминает гитару, и все как бы вполголоса. Впечатление было потрясающее.

Сестра Оля, как очень музыкальная, сумела закрепить в памяти эту музыку. После она часто повторяла этот романс и всегда с большим успехом. Однажды в деревне она пела «Очи черные» при деревенском священнике. По окончании он вскочил и со словами: «Такое услышать — и умереть!..» — убежал из комнаты. К сожалению, никто, кроме Оли, не запомнил Сережиного аккомпанемента, а с ее смертью Сережа больше никому не аккомпанировал.

¹ Василий Ильич Сафонов (1852–1918). Дирижер, пианист, педагог, общественный деятель. Ректор Московской консерватории (1889–1905).

² Мария Николаевна Климентова-Муромцева (1857–1946). Солистка Большого театра, педагог по вокалу.

Когда мне было пять лет, Оля пела со мной дуэты. Репертуар был очень разнообразный: и Глинка, и Чайковский, и цыганские песни. Особенно, помню, я с азартом пела «Как хорошо» и «Один цыган не пьет, не гуляет». Сережа часто заставлял нас петь и от души веселился, слушая, как я выводила «Как хорошо, как хорошо, как хорошо с тобою мне быть!». Или просил маму поиграть со мной в четыре руки. Тут уж он, хваля меня, уверял присутствующих, что непременно будет сам заниматься со мной, и добавлял: «Нет, вы посмотрите, какие у нее замечательные мизинцы — какая техника!»

Иногда же он и моя мама садились за рояль и играли в четыре руки, чаще всего симфонии Бетховена.

В.А. Сатина, как все ее называли, тетя Вава, живая, веселая и энергичная, решила, что молодежь должна учиться танцам. Был приглашен Н.Ф. Манохин¹. Он был прекрасным учителем, но с ужасным характером. Маленький, худенький, как говорится, щека щеку съедала, волосы расчесаны на пробор. Обращался он с учениками деспотически и предупредил тетю Ваву, что он на уроках очень раздражителен и употребляет сильные выражения, за что ему во многих домах отказывали, считая недопустимым его обращение с молодежью. Тетя Вава не испугалась и обнадежила Николая Федоровича, что никто обижаться не будет, так как известно, что он человек нервный, а учитель — лучший.

Итак, начались уроки. Дети Сатиных неохотно подчинялись, а Сергей наотрез отказался, и, только когда не хватало кавалера, он появлялся и добросовестно и очень неплохо выделял нужные па. Я была еще очень мала и только с завистью смотрела на танцующих. На этих уроках у Сатиных бывали гости — молодежь, в другое же время гости бывали очень редко. Своя компания была большая дружная, и по воскресеньям, когда все были свободны от уроков, было очень весело. Собирались в комнате девочек Сатиных: Наташа, Соня, Оля, Сережа и Саша. Впоследствии Наташа подружилась с Е.Ю. Крейцер², которая вместе со своим братом студентом стала частой гостей у Сатиных.

¹ Николай Федорович Манохин (1855–1915). Солист балета Большого театра, балетмейстер, педагог.

² Елена Юльевна Крейцер, урожденная Жуковская (1875–1961). Камерная певица, педагог по вокалу, пианистка. Брала частные уроки у С.В. Рахманинова, пела в постановках его оперы «Алеко» (партия Земфиры). С.В. Рахманинов посвятил ей романс «Они отвечали» (ор. 21, № 4, 1902).

На вербной неделе, на шестой неделе поста перед Пасхой, на Театральной площади, а позже на Красной, устраивался вербный базар. Строились ряды палаток с разными товарами: галантереей, сладостями, книгами, игрушками, искусственными цветами, птицами и т.п., а среди гуляющей публики ходили торговцы с ручным товаром: свистульками, пирожками, тещиными языками, шарами, морскими жителями (маленькие стеклянные уродцы в колбах с водой). По рядам прогуливалась пешая публика, а на свободной части площади кружились шагом экипажи с детьми и невестами замоскворецкого купечества. На этом базаре обычно мама покупала нам чижику в клетке. Он жил у нас до тепла. Ухаживала за ним сестра Оля. С наступлением тепла ехали за город и там птичку выпускали. Оля очень радовалась, если чижики не сразу улетали, а садились на близкую ветку и пели, будто прощаясь.

С одним из чижей произошло несчастье: он заболел, и, как Оля ни старалась ухаживать за ним, птичка перестала есть, пить и сидела нахохлившись, а однажды утром уже лежала на дне клетки мертвой. Сестра горько оплакивала своего любимца, и Сережа, искренно ей сочувствуя, написал романс «На смерть чижики» и посвятил ей.

Работая в опере Мамонтова, Сергей подружился с Шаляпиным, и Федор Иванович часто приходил к Сереже. Высокий, широкоплечий, входит в дом, и сразу раздается его звучный голос, шутит со всеми, балагурит, вдруг на меня: «Книксен!» А начнет рассказывать — заслушаешься. Рассказывать Федор Иванович был мастер.

Каждое его посещение дома Сатиных, где жил Рахманинов, выливалось в концерт. Когда Федор Иванович пел, а у рояля был Сергей Васильевич, неправильно было бы сказать, что Рахманинов аккомпанирует. Они именно пели оба. Что это было за наслаждение! Исполнение их было поразительным и непревзойденным.

Во время их исполнения сходились все чада и домочадцы слушать. У каждой притолоки завороченные фигуры. Даже старая кухарка Настя и та приходила слушать. И как же он пел! Я была еще небольшая девчонка, а помню до сих пор, как у меня мурашки бегали по спине при фразе: «Лакме, я хочу, чтобы ты улыбалась!!!»¹ А какой он был шутник! Анекдоты, шутки, фокусы мелькали, как искры. Однажды Федор Иванович был в гостях у двоюродной сестры Сер-

¹ Фраза из Стансов Никалакты из оперы Лео Делиба «Лакме».

гея Васильевича — В.И. Зилоти¹. Послал за Сергеем Васильевичем, а пока он не пришел, Федор Иванович предложил показать фокусы. Все обрадовались, засуетились... Федор Иванович серьезно стал готовиться к сеансу, как настоящий фокусник. Выбирал подходящий стол и все аксессуары. Когда все было готово и присутствовавшие сидели «наэлектризованные» и с любопытством ждали, что-то будет, Федор Иванович взял темную вазочку, показал ее со всех сторон и положил под нее катушку, которую до этого, держа двумя пальцами, тоже показал всем, затем таким же образом положил под другую вазочку наперсток. Поднял руки, показал их, затем начал делать пассы «волшебной палочкой», то есть дирижерской палочкой Сергея Васильевича, и сообщил, что сейчас катушка и наперсток переместятся местами и что там, где была катушка, сейчас лежит наперсток, и наоборот. Публика притихла. «А сейчас... — и Федор Иванович снова делает пассы, — сейчас они снова вернулись на свои места! В этом вы можете убедиться сами!» И он торжественно поднял вазочки, где покойно лежали катушка с наперстком. Если бы Федор Иванович действительно показал фокус, ликование присутствующих не сравнилось бы с тем, что произошло после этого сеанса. Все аплодировали и были в полном восторге.

Федор Иванович был изумительным артистом, чародеем во всех своих проявлениях. Никогда подобного ему я не видала и не слыхала. Такого певца-актера до него не было, и, к сожалению, я уж не надеюсь больше видеть. Такие концерты, как концерты Шаляпина, когда у рояля был Рахманинов, никогда не повторяются. Это был ансамбль, когда певец и пианист как бы сливались воедино, давая такую экспрессию, такое горение, что увлекали громадную массу публики и заставляли слушать себя, затаив дыхание, забыв все окружающее, забыв самих себя. Зато по окончании прорывалась такая бурная стихийная волна аплодисментов, каких никто нигде и никогда не заслуживал.

Помню один из вечеров, когда к Сереже пришел А.А. Брандуков² с виолончелью. Он и Сергей играли не только весь вечер, но и ночь. Никто не уходил, да и кто бы мог уйти, слыша такую музыку, такое ис-

¹ *Варвара Ильинична Зилоти* (1868–1939). Двоюродная сестра С.В. Рахманинова по материнской линии (дочь тети, Юлии Аркадьевны). В семье ее называли Вава. Была замужем за известным российским предпринимателем Константином Ивановичем Гучковым (1865–1934).

² *Анатолий Андреевич Брандуков* (25 декабря 1858 / 6 января 1859–16 февраля 1930). Русский виолончелист, педагог.